

3. ГАРО. – Ф. 384, оп. 5, д. 756, л. 20.
4. ГАРО. – Ф. 278, оп. 1, д. 3, л. 22.
5. *Липранди А. П.* Германия в России / А. П. Липранди. – Харьков, 1911. – С. 64.
6. *Плохотнюк Т. Н.* Положение евангелическо-лютеранской церкви в России (конец XIX – начало XX вв.) / Т. Н. Плохотнюк // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения.* – М., 1996. – С. 315–316.
7. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (далее – ЦГИАУ). – Ф. 442, оп. 642, д. 497, л. 7.
8. Там же. – Оп. 617, д. 114, л. 2.
9. Там же. – Оп. 627, д. 4, л. 120.
10. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 614, д. 238, л. 110.
11. Там же. – Оп. 533, д. 222, л. 5–6, 41–42.
12. Там же. – Оп. 618, д. 58, л. 3.
13. Там же. – Оп. 694, д. 72, л. 69.
14. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 614, д. 238, л. 11.
15. Там же. – Л. 110.
16. Там же. – Л. 105.
17. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 617, д. 114, л. 2.
18. Там же. – Оп. 45, д. 492 а, л. 72.
19. Там же. – Оп. 618, д. 58, л. 38.
20. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 617, д. 114, л. 1.

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (477.63) «1914/1917»

О. В. Безносова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АНТИГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1914–1917 гг.

На підставі архівних документів розглянуто перебіг антигерманської кампанії 1914–1917 рр. у Катеринославській губернії. З'ясовано її регіональні особливості.

Ключові слова: антигерманська кампанія, Катеринославська губернія, німецьке та менонітське населення Російської імперії.

На основании архивных документов рассмотрено развертывание антигерманской кампании 1914–1917 гг. в Екатеринославской губернии. Выявлены ее региональные особенности.

Ключевые слова: антигерманская кампания, Екатеринославская губерния, немецкое и меннонитское население Российской империи.

Developing of anti-German campaign in the Ekatherinoslav government in the 1914–1917 is proved on the base of archive documents. The special features of one are revealed.

Key words: anti-German campaign, the Ekatherinoslav government, the German and Mennonite peoples of the Russian empire.

Auf Grund von Archivdokumenten analysiert die Autorin die antideutsche Kampagne 1914–1917 im Gouvernement Ekaterinoslav und stellt dabei einige regionale Besonderheiten fest.

Schlagwörter: antideutsche Kampagne, Gouvernement Ekaterinoslav, deutsche und mennonitische Bevölkerung des Russischen Reiches.

Случаи открытого проявления антигерманских настроений в Екатеринославской губернии отмечались уже в 80-х гг. XIX ст. [12]. Однако решительный шаг в наступлении на гражданские права немецкого населения был сделан с началом Первой мировой войны.

Антигерманские мероприятия по всей империи начались с наступления на гуманитарном «фронте». С августа 1914 г. происходило принудительное переименование на государственный (русский) язык названий всех бывших немецких колоний. Этот процесс, начавшийся на добровольных (?) началах еще в 90-х гг. XIX ст. [13], приобрел с началом войны обязательный характер, включая столицу империи, превратившуюся из Санкт-Петербурга в Петроград.

Вместе с тем ход антигерманской кампании в регионах во многом зависел от местных чиновников. В этом плане на Юге своей исключительной активностью выделялись две фигуры, прямо или косвенно связанных с Екатеринославщиной – екатеринославский губернатор Виктор Арсентьевич Колобов и командующий Одесским военным округом и генерал-губернатор Михаил Исаевич Эбелов (1855–1919).

Назначенный в апреле 1913 г. екатеринославским губернатором, В. А. Колобов развил с началом войны весьма бурную деятельность. В своей борьбе с «германским засильем» в губернии он нередко выступал с соответствующими инициативами, которые потом подхватывалась и утверждалась вышестоящим начальством. Так, уже 7 сентября 1914 г. он издал «Обязательное постановление главноначальствующего по Бахмутскому, Славяносербскому и Мариупольскому уездам и екатеринославского губернатора по остальным уездам гу-

бернии». Согласно этому постановлению немцам запрещалось использовать немецкий язык вне своих жилищ (на улицах, площадях, в клубах, ресторанах и т.п.), иметь на немецком языке вывески, плакаты, карточки и т.п., а имеющиеся необходимо было уничтожить. За нарушение постановления были предусмотрены такие наказания как арест или заключение в крепость до 3 месяцев или штраф до 3 тыс. руб. [52, с. 75].

24 октября 1914 г. эти ограничения были утверждены главным начальником Одесского военного округа М. И. Эбеловым, который своим обязательным постановлением ввел «Правила о местностях, объявленных состоящими на военном положении» (в число которых входила и Екатеринославская губерния) [2, с. 37]. Кроме того, на следующий день, 25 октября, М. И. Эбелов постановлением № 616 запретил использование немецкого языка в общественных местах. 20 ноября 1914 г. языковое давление было еще более усилено, ибо были запрещены даже церковные проповеди на немецком языке на территории Одесского военного округа (постановление № 1312, отмененное лишь 24 января 1915 г.), а 8 марта 1915 г. его же обязательным постановлением № 265/5207 было запрещено разговаривать также и по телефону на немецком, венгерском, турецком и еврейском языках [10, арк. 63]. Нарушители языкового режима штрафовались, о чем через прессу извещалось население всего региона [1].

На основании этих распоряжений были закрыты все немецкие газеты издаваемые на немецком языке на Юге империи, в том числе «*Burger Zeitung*» («Городские известия», издававшиеся с 1911 г. в г. Александровске) [5, с. 10], меннонитская газета «*Botschafter*» («Вестник», издавалась в 1905–1912 г. в г. Екатеринославе, в 1912–1914 гг. — в г. Бердянске), несмотря на то, что в своей редакционной колонке, озаглавленной «*Vaterländisches*» («Отечественная»), ее редактор Д. Г. Эпп (бывший церковный старшина городской меннонитской общины Екатеринослава) горячо поддерживал идею депутата Государственной думы от Екатеринославской губернии Г. А. Бергмана о необходимости активного участия меннонитов в организации санитарно-медицинской службы для действующей армии и материальной поддержке Красного Креста [3].

Однако важнейшими из пакета антигерманских законов 1915 г. были положения о принудительной конфискации и продаже земли у землевладельцев-немцев. Население региона восприняло этот шаг правительства с явным одобрением, надеясь, что конфискованные земли пойдут на образование из них специального фонда для наде-

ления земель солдат-фронтовиков после победы. Как писал по этому поводу с Западного фронта домой в Екатеринославскую губернию прапорщик Ищенко, если правительство не сделает этого, «мы сами придем с войны и все поделим» [8, л. 40. об]. К концу 1915 г., под влиянием тягот войны, антигерманские настроения в губернии достигли такого накала, что даже православные священники и миссионеры уже открыто высказывали готовность поддержать народ в деле конфискации и раздела земель немецких землевладельцев [8, л. 19–22 об].

В 1915 г. в Екатеринославской губернии, как и в других регионах Российской империи, началась реализация «ликвидационных законов» [16]. В ходе ее, например, несмотря на многолетнее упорное сопротивление, меннониты колоний Шенвизе и Остров-Хортица были вынуждены продать свои надельные земли городу Александровску и выехать отсюда. Вот как весьма характерно (вполне в духе 1915 г.!) описывает эти события изданный 73 года спустя туристический «Путеводитель по Хортице»: «Последним актом насильственного, неуважительного обращения с ним [островом Хортица. – О. Б.] следует считать продажу Хортицы немцами-меннонитами Александровской городской управе. Случилось это 3 декабря 1916 г. Бесценная Хортица была оценена в сумму 772 350 рублей» [19, с. 33]. В 1916 г. началась подготовка к принудительной продаже городу общинных земель, строений и промышленных предприятий колоний Кичкас (Эйнлаге) и Хортица, на которые давно уже претендовало Александровское уездное земство и сам город Александровск [51, арк. 1–12]. Однако так как правительство проводило довольно нерешительную политику в данном направлении, боясь разрушить экономический потенциал тыла, бывшие колонисты успешно саботировали «ликвидационные» мероприятия [51, арк. 14 об – 16 об].

Однако местным и приезжим германофобам все эти дискриминационные мероприятия в гуманитарной и социальной сфере казались все же малодейственными, ибо, как писал печальноизвестный А. [Селит]ренников, «я две ночи плакал, жалея от души этого воина [губернатора. – О. Б.], одиноко стоящего на екатеринославском поле сражения. Бедный Колобов!» [18, с. 273]. Их возмущение было вызвано тем, что антигерманская кампания практически не отразилась на деятельности этнических немцев в органах земского самоуправления Екатеринославской губернии, которые не были подвергнуты «чисткам» за свою национальную принадлежность [4]. Эта политика местного земства, впрочем, не находила поддержки и у местного без-

земельного крестьянства, надеющегося на наделение землей из числа конфискованного у землевладельцев-немцев. Причем, если в политических обзорах настроений населения для Департамента полиции начальники жандармских управлений соседних Херсонской [6, л. 13, 36] и Таврической губерний [7, л. 18–18 об, 24, 25] в 1915–1916 гг. просто отмечают видимое одобрение крестьянством ликвидационной политики. В Екатеринославской же губернии уже 10 сентября 1914 г. начальник Екатеринославского губернского жандармского управления (далее – ЕГЖУ) полковник Г. Л. Терентьев докладывал екатеринославскому губернатору В. А. Колобову, что с начала войны «под влиянием патриотических настроений» арендаторы и работники (особенно в Александровском у.) покинули немецкие имения и отказываются там работать, даже несмотря на предложения усиленной оплаты и улучшения быта [22, арк. 95].

ЕГЖУ в борьбе с «германским шпионажем». В связи с началом войны резко усилилась роль, которую играла в жизни губернии (да и страны в целом) политическая полиция (жандармерия), призванная бороться с «внутренними врагами». Ее внутренние документы во многом проливают свет на ту ситуацию, в которой оказались этнические немцы в России в годы Первой мировой войны, тем более, что документы Екатеринославского губернского жандармского управления (ЕГЖУ) – единственный архивный фонд из учреждений губернского уровня, который сохранился более-менее полно. Поэтому дела военного времени ЕГЖУ являются довольно презентативным источником информации для изучения данной проблемы.

Война и борьба с «внутренним немцем» стала тем средством, с помощью которого крестьянство (равно как и другие слои населения) надеялись не только бесплатно получить землю, но и удобно свести свои личные счета. Поэтому в полицию и жандармерию посыпались многочисленные доносы на «германских шпионов» и вообще неблагонадежных [21–51]. Надо сказать, что порой события принимали явный трагикомический оборот. Так, 11-летний мальчик, Исаак Феер, житель с. Новая Хортица Екатеринославского у. сделал замечание работнице за небрежно прополотые грядки. Та в отместку донесла в полицию, что он ругал царя. В результате в 1916 г. возникло дело ЕГЖУ о «произнесении противоправительственных речей» на 35 листах, зафиксировавшее этот факт явной клеветы и яркий образчик нравов того времени [40].

В целом, из обнаруженных в архиве ЕГЖУ 20 дел против лиц немецкой национальности и германскоподданных, дела двух герман-

скоподданных (Р. Р. Бера [29, 41] и И. И. Шмидта [42]) и одного швейцарца (Л. В. Пикере [44]) закончились высылкой их за пределы Екатеринославской губ., девятерых немецких колонистов (И. Ф. Кремера [37], И.-Ф. Я. Ульриха [38], И. И. Буляра [33], Ф. А. Варкентина [36], И. К. Бетхера [31], Ф. Г. Ваккера [32], И. И. Винса [46], К. К. Вабеля [24], И. И. Пеннера [23]) по обвинениям в произнесении противоправительственных речей и агитации против царя – передачей в суд, а дела еще восьмерых (П. И. Фаста [39, 45], И. Д. Феера [40], А. И. Байер [34], Ф. Ф. Вейдека [35], И. Гамма [25], Е. А. Браун [47], С. Ф. Штельц [48], Ю. А. М. Штейна [49]) – оправданием в виду явной клеветы на них. Те многочисленные факты о высылках и арестах «злопыхателей-немцев», о которых говорит в своей книге А. Ренников [18, с. 326–327], в архиве не прослеживаются, за исключением скупой информации об аресте писаря Хортицкого волостного правления Я. Я. Классена по делу о нелегальном собрании на о. Хортица и оштрафовании его на 3 тыс. руб. в общей сводке о политическом положении в губернии [26, арк. 27–30, 106 об]; что заставляет предположить, что борьбой с «засильем» занималась не столько политическая, сколько обычная полиция (архив которой не сохранился).

Обвинение в «германском шпионаже» было выдвинуто в 1914–1917 гг. семерым. Из них лиц немецкой национальности было всего лишь двое: швейцарскоподданный Л. В. Пикере [44] и российскоподданный санитар К. К. Петерс [43]. Причем, если с первого по решению Екатеринославского окружного суда сняли все обвинения, то второй так и остался под подозрением, хотя «изобличить в чем-либо Петерса... не представилось возможным» [43, арк. 113 об]. Вообще дело К. К. Петерса, начавшееся с обыска всех санитаров-меннонитов Екатеринославской губернской земской больницы, было весьма ярким и показательным, шаг за шагом открывающее обстановку в губернии в ту эпоху. 21 августа 1915 г. по рапорту старшего врача Екатеринославской губернской земской больницы В. В. Крубмиллера сотрудниками ЕГЖУ были обысканы вещи и изъята переписка всех 54 меннонитов-санитаров госпиталей этой больницы, заподозренных в том, что они беседуют на немецком языке с военнопленными-чехами и читают (на русском языке) Библию и Евангелие раненым солдатам русской армии [43, арк. 2–5]. В результате у санитаря госпиталя № 2 К. К. Петерса была изъята переписка с женой Агатой (Агафьей), проживавшей на хуторе Марковка Вознесенской вол. Александровского у. Екатеринославской губ. В ее письмах было подробно описано, как в 1914–1915 гг. в Вознесенской и Натальевской

вол. Александровского у. по доносу соседних украинских крестьян раз за разом производились обыски и допросы жителей меннонитских хуторов Ягодное, Безымянный, Марковка и Цветочный, расположенных в районе железнодорожного разъезда Янцево [43, арк. 62–104 об.]. За то, что К. К. Петерс, несмотря на просьбы жены о сожжении этих писем, сохранил дорогую ему переписку, он был признан «германским шпионом», а семья его жены (где отец был сельским старостой, двое сыновей служили санитарями в госпиталях, а один в действующей армии), родственники (даже проживавший в к. Шпат Таврической губ. А. А. Фризен) и ближайшие соседи опять подверглись обыскам, а сам К. К. Петерс вплоть до конца 1915 г. находился под наблюдением по обвинению в шпионаже на весьма туманных основаниях [43, арк. 106–111]. Так же его молодой товарищ-санитар той же больницы Д. П. Реймер попал под подозрение на том основании, что он читал (на русском языке) Библию и Евангелие раненым русским солдатам [43, арк. 113–113 об.]. Это дело, таким образом, продемонстрировало явную политическую тенденцию того времени: если вся местная полиция и ведший это расследование жандармский подполковник С. И. Вольский единогласно дали заключение о благонадежности и безвредности как жителей меннонитских хуторов, так и самих санитаров [43, арк. 111–111 об, 113–113 об], начальник ЕГЖУ полковник Г. Л. Терентьев по окончании дела лично приказал продолжать за ними наблюдение как за лицами, внушающими подозрение в их благонадежности [43, арк. 117–117 об.]. При этом можно констатировать, что и пресловутой «охоты на ведьм», во всяком случае, политической полицией губернии, не проводилось, о чем красноречиво говорит количество и содержание дел по борьбе с «германским шпионажем» и антигосударственными преступлениями, возбужденных против немцев.

Обстоятельства этих дел выводят очень интересный фактор влияния, на который раньше никто из исследователей не обращал внимания: фактор религиозный, ибо именно религиозное влияние меннонитов на окружающее население остро затрагивало интересы государственной церкви империи. Таким образом, проблемы межконфессиональных отношений и в развитии антигерманских кампаний сыграли свою определенную роль. В целом анализ материалов архива ЕГЖУ показывает, что антигерманская кампания в губернии приобрела довольно четко выраженный *антименнонитский* оттенок. Об этом свидетельствует тот факт, что из 20 непосредственных дел о борьбе с германским шпионажем и антигосударственной деятельно-

стью и четырех примыкающих к ним по тематике [26; 27; 28; 29] 12 касаются именно меннонитов.

Несомненно, антименнонитский характер антигерманской кампании был обусловлен их преимущественным экономическим и социальным влиянием в губернии (которую А. Ренников потому и обозвал «Бергманландом» [18, с. 272], по имени наиболее влиятельного из них — Г. А. Бергмана), на фоне которого терялись католики и гораздо более многочисленные, но менее зажиточные, чем меннониты, лютеране.

Борьба с представителями «германских исповеданий». Кроме осуществлявшихся на местном уровне усилий, к проблеме ликвидации «германского засилья» в религиозной области подключились, со своей стороны, и центральные власти, которые обратили особое внимание на представителей так называемых «германских исповеданий». К таковым они относили всех протестантов вообще и даже католиков, чьими последователями в большинстве своем в Российской империи были именно этнические немцы. Поэтому 11 октября 1914 г. Департамент духовных дел МВД разослал всем губернаторам через Отдельный корпус жандармов секретный циркуляр № 8383, в котором предписывалось установить строгий надзор за направлением деятельности пасторов [20, арк. 101–101 об]. Таким образом, под плотное и недоброжелательное наблюдение сразу же попали католики, лютеране и реформаты, а также меннониты, баптисты, адвентисты и евангельские христиане всех национальностей. Кроме того, правительство стало планировать открыть дебаты в Думе по поводу дальнейшего ограничения религиозных прав всех пацифистов, в том числе и меннонитов. Апогей антигерманской и антипротестантской кампании пришелся на 1915 г., когда были закрыты немецкие и русские баптистские и адвентистские общины в Одессе, Харькове, Севастополе, Екатеринославе, а из Херсонской губернии в Поволжье и Сибирь был выслан целый ряд лютеранских и католических священников [50, арк. 31; 14, с. 160–162].

5 марта 1915 г. Департаментом полиции был разослан начальникам жандармских управлений новый секретный циркуляр № 167126, в котором в связи с тем, что «в возникших в Западной Европе и распространенных в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и штундо-баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности же баптистская, являются, в сущности, как бы рассадником германизма в России». Поэтому предписывалось установить строгое наблюдение за баптистами и адвентистами [11, с. 199–200].

17 июля 1915 г. (по инициативе местного пристава и уездного исправника) жандармами были арестованы «за связи с Германией» четыре пресвитера баптистской общины с. Томаковка Екатеринославского у. Екатеринославской губ. на основании того, что по собранным секретным сведениям дознано, что «весьма большую деятельность проявлял в распространении секты среди Томаковских крестьян немецкий учитель Андрей Андреев (Генрих Генрихович) Фризен, житель села Мирополь (Фриденсфельд), Лошкаревской вол., Екатеринославского у., который снабжал намеченных им крестьян деньгами и отправлял их на курсы в Берлин, где специально оборудована школа под названием «Алианц-Бибель-Шуле»» [11, с. 203]. Их дело было направлено главному начальнику Одесского военного округа и генерал-губернатору М. И. Эбелову, который постановил «выслать их в Енисейскую губ. под гласный надзор полиции, а существующую в селе Томаковке Общину евангельских христиан-баптистов закрыть на все время состояния Екатеринославского уезда на военном положении». Подобное же преследование полиция попыталась возбудить и против активно помогавших им единоверцев-меннонитов и баптистов – проповедника Г. Г. Фризена (А. А. Фризена), братьев Г. Ю. и Я. Ю. Генрихс и П. Излера, однако те успели скрыться с мест проживания [11, с. 203–212].

14 июля 1916 г. последовал новый циркуляр Департамента полиции, предписывающий «учреждение наблюдения за деятельностью баптистов, евангельских христиан, адвентистов-субботников, распространяющих среди нижних чинов религиозную литературу» [21, арк. 1–1 об.]. В конце 1916 – начале 1917 г. органами полиции предполагалось продолжить практику высылки руководителей общин, в том числе, например, директора известного издательства «Радуга» Г. Я. Брауна [7, арк. 15–16; 28, арк. 47; 43, арк. 77]. Информация о связях этих людей (как немцев, так и «природных русских») с единоверцами и родственниками из Германии воспринималась однозначно как весьма отягощающее обстоятельство. Не оправдывал даже тот факт, что многие из тех, с кем сотрудничали русские баптисты, оказывали щедрую благотворительную помощь не только своим единоверцам, но и всему окрестному населению. Так, полицейские и жандармские власти совершенно не приняли в расчет, что высылаемые ими за «пропаганду» братья Г. Ю. и Я. Ю. Генрихсы из х. Корнеевки Екатеринославского у. являются почетными попечителями местных земской больницы и народной земской школы, на которую пожертвовали принадлежащую им землю [15]. Избежать высылки в Сибирь

этим меннонитам удалось благодаря курьезному случаю. Еще до того как екатеринославский губернатор (после получения соответствующего предписания начальника Одесского военного округа) *вечером* 25 августа 1915 г. успел отдать полиции приказ об их аресте и этапировании в г. Екатеринослав, *утром* того же 25 августа в разделе объявлений о распоряжениях властей об этом напечатала губернская газета «Приднепровский край» [17]. В результате все подлежащие аресту прочитали это сообщение и сумели сбежать. Причем Генрихсы немедленно дали телеграмму своему двоюродному брату – депутату Государственной думы Г. А. Бергману в Санкт-Петербург. Тот срочно приехал в свой дом в Екатеринославе (который находился на Потемкинской ул., прямо напротив здания ЕГЖУ), где спрятались его родственники. Благодаря депутатской неприкосновенности Г. А. Бергман воспрепятствовал обыску своего дома и аресту своих родственников, которые наутро скрылись. Полиция же и Губернская управа были вынуждены извиниться перед депутатом за беспокойство [9, арк. 1–18; 11, с. 270]. Следовательно, религиозный фактор, столь часто незамечаемый и даже игнорируемый исследователями, сыграл свою роль в развитии антигерманской кампании в Екатеринославской губернии, что даже семья такого известного человека, как депутат Государственной думы двух созывов Г. А. Бергман, не избежала преследований полиции за свои религиозные убеждения и этническую принадлежность.

В годы войны заняло еще более радикальные позиции и екатеринославское православное духовенство (особенно весьма влиятельные в губернии противосектантские миссионеры), полностью поддержав ликвидационную политику правительства. 15 февраля 1915 г. епархиальный миссионер А. А. Афанасьев докладывал епископу Екатеринославскому и Мариупольскому Агапиту (Вишневецкому) о том, что к нему обратились три окружных миссионера, которые в своих письменных и устных докладах свидетельствовали (что соответствовало и личным наблюдениям самого епископа), что «все более и более замечается в народе враждебное отношение к местным немцам колонистам и вообще к немцам, проживающим в России, даже и русскоподданным <...и> если наше правительство своевременными мерами не предотвратит антинемецких беспорядков (что возможно по окончании войны), то никто и ничто прекратить их не может» [8, л. 20–21 об]. Еще более решительным был в своих выводах мариупольский окружной миссионер В. Зеленцов, который прямо говорил о всеобщем ожидании населением губернии скорой и неизбежной ре-

волюции, которую «поднимут главными образом солдаты, вернувшиеся к тому времени с теперешней войны и распущенные по домам с участием и оставшиеся под ружьем. Революция произойдет на аграрной почве, первоначальной целью ее будет выставлено отнятие земель у немцев, живущих в России...» [8, л. 22–23]. Поэтому миссионеры ставили перед своим духовным начальством решительное требование выработки линии поведения во время будущей революции, о чем епископ немедленно доложил губернатору В. А. Колобову, а тот (18 февраля 1915 г.) – министру внутренних дел Н. А. Маклакову [8, л. 19, 22–23].

Таким образом, хотя о них и умалчивает возникшая гораздо позднее красивая легенда о «золотой эре» жизни немцев в царскую эпоху, во многом проявления крайнего национализма и жестокости по отношению к российским немцам были результатом той пропагандистской работы, которое царское правительство развернуло в последнее десятилетие XIX и начале XX века. Пресс недоверия, враждебности и злобы коснулся не только собственно немецкого населения. Он калечил души всех, кто жил в его атмосфере, порождая горечь и боль в сердцах одних, злорадство и враждебность – у других. Проявления же национального и социального эгоизма, допущенные обеими сторонами, в условиях назревания и реализации революционной ситуации сделало гуманитарную катастрофу гражданской войны практически неотвратимой.

Библиографические ссылки

1. Арест за разговор на немецком языке // Южный край (Харьков), 1916. – № 13630. – 6 октября. – С. 3.
2. Айсфельд А. Немецкое население в политической и общественной жизни Российской империи в период 1905–1917 гг. / А. Айсфельд // Немцы и меннониты в конфликтах и компромиссах XIX – XX ст.: матер. междунар. науч. конф. Днепропетровск, 25–27 сентября 2007 г. / Вопросы германской истории: сб. науч. праць / відп. ред. С. Й. Бобилева. – Д. : Пороги, 2007. – С. 28–42.
3. Безносова О. В. Д. Г. Эпп (1861–1934) – меннонитский религиозный и общественный деятель, историк и журналист / О. В. Безносова // Российские немцы: научно-информационный бюллетень. – М., 2006. – № 2 (46). – С. 24–27.
4. Берестень Ю. В. Немецкие колонисты в начальный период первой мировой войны в Екатеринославской губернии / Ю. В. Берестень // Наддніпряньський історико-краєзнавчий збірник. – Вип. 1: матер. І міжрегіон. історико-краєзнав. конф. 8–9 жовтня 1998 р. – Д., 1998. – С. 128–132.

5. Газети і журнали Катеринославщини (1838–1916): науково-бібліографічний покажчик / укл.: Т. М. Ковальська, О. І. Сидоренко, Н. М. Титова. – Д.: Дніпропет. обласна наук. б-ка, 1993. – Серія: Періодичні видання краю. – 44 с.

6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102: Департамент полиции, особый отдел (далее – оо), оп. 1915 г., д. 167, ч. 89, 120 л.

7. ГАРФ. – Ф. 102: оо, оп. 1915 г., д. 167, ч. 75, 135 л.

8. ГАРФ. – Ф. 102: оо, оп. 1915 г., д. 343. зас[илье], 262 л.

9. Державний архів Дніпропетровської області. – Ф. 20, оп. 1, спр. 159, 18 арк.

10. Державний архів Запорізької області. – Ф. 59, оп. 1, спр. 85, арк. 63.

11. Евангельское движение в Российской империи (1850–1917): Екатеринославская губерния (сб. док. и матер.) / сост. и ред. О. В. Безносова. – Днепропетровск; Штайнхаген: “Samensort”, 2006. – 320 с.

12. Екатеринославские губернские ведомости. – 1889. – № 37, 13 мая; № 49, 24 мая; № 43, 3 июня.

13. Екатеринославские губернские ведомости. – 1894. – № 141, 3 июля.

14. *Курило О. В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.) / О. В. Курило. – М.: Фонд «Лютеранское наследие»; World Wide Printing, 2002. – 400 с.

15. О выполнении Уездною управою постановлений уездного земского собрания чрезвычайной и очередной сессий 1914 г. // Отчет Екатеринославской уездной земской управы за 1914 г. – Екатеринослав, 1915. – С. 179. – № 23; С. 241. – № 179.

16. *Осташева Н.* Ликвидационные законы / Н. Осташева, Ю. Берестень // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7: Немцы Украины: пилот. сборник. – М.: «ЭРН», 2002. – С. 124–133.

17. Приднепровский край (Екатеринослав). – 1915. – 25 августа.

18. *Ренников А.* Золото Рейна. О немцах в России / А. Ренников. – Пг., 1915. – 395 с.

19. *Сушко К. И.* По Хортице: путеводитель / К. И. Сушко, Л. П. Юхимчук. – Д.: Промінь, 1989. – 95 с.

20. Центральний державний історичний архів України (Київ) (Далі – ЦДАУК). – Ф. 274, оп. 1, спр. 3134, 110 арк.

21. ЦДАУК. – Ф. 279, оп. 1, спр. 2268, 3 арк.

22. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 2983, 185 арк.

23. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3001, 104 арк.

24. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3034, 102 арк.

25. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3035, 55 арк.

26. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3062, 45 арк.

27. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3119, 60 арк.

28. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3125, 10 арк.

29. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3152, 453 арк.

30. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3162, 72 арк.

31. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3173, 47 арк.

32. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3174, 22 арк.

33. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3183, 37 арк.
34. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3184, 37 арк.
35. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3186, 40 арк.
36. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3187, 41 арк.
37. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3197, 18 арк.
38. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3205, 31 арк.
39. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3206, 50 арк.
40. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3207, 35 арк.
41. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3211, 27 арк.
42. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3213, 32 арк.
43. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3235, 117 арк.
44. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3237, 47 арк.
45. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3250, 117 арк.
46. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3254, 364 арк.
47. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3330, 54 арк.
48. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3331, 54 арк.
49. ЦДІАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3413, 33 арк.
50. ЦДІАУК. – Ф. 349, оп. 1, спр. 45, 93 арк.
51. ЦДІАУК. – Ф. 715, оп. 2, спр. 2259, 115 арк.

52. Черказьянова И. В. Проблема немецкоязычного образования в России в годы Первой мировой войны // И. В. Черказьянова // Питання німецької історії : зб. наук. пр. / відп. ред. С. Й. Бобилева. – Д. : РВВ ДНУ, 2009. – С. 56–82.

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (47+57) "1914/1917"

А. Н. Кадол

Криворожский технический университет

«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В РОССИИ КАК ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ «ПОЛИТИКИ НАСЕЛЕНИЯ». 1914–1917 гг.

Висвітлено імперську етнополітику Росії часів Першої світової війни. На основі матеріалів «німецького питання» досліджено застосування у політичній практиці Росії концепції «політики населення» в милітарний період існування російської держави 1914–1917 рр.

Ключові слова: німецьке питання, «політика населення», етноконфесіональний націоналізм, образ ворога, антинімецька кампанія.